
КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 821.161.1, 027.1, 241
DOI 10.17223/24099554/1/7

Н.Е. Никонова

В.А. ЖУКОВСКИЙ – СОВРЕМЕННОК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЕКА ГЕРМАНИИ: НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОСПИТАНИИ И ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ПОЭТА 1840–1850-х ГГ.*

В статье впервые предпринята попытка реконструировать педагогическую библиотеку 1840–1850-х гг., собиравшуюся В.А. Жуковским в Германии для воспитания собственных детей и наследников царской фамилии (более 70 книг). Изучается характер осмысления трудов о воспитании на основании помет, записей и планов, оставленных поэтом на страницах этих работ. Очередной эволюционный этап творческого мышления позднего Жуковского соотнесен с аутентичным ему немецким окружением и контекстом последнего десятилетия жизнетворчества. Охарактеризован резонансный диалог Жуковского с pietistским направлением педагогики Пруссии, выявлены непосредственные созвучия избранных им мест из немецких авторов и мотивов его поздней прозы.

Ключевые слова: немецкая литература о воспитании XVII–XIX вв., реформаторская педагогика, pietизм, христианское воспитание, личная библиотека, В.А. Жуковский.

Понимание категории пространства в междисциплинарном поле современного гуманитарного знания включает в себя целый спектр отличных друг от друга определений, существование которых обусловлено объективными причинами. Как правило, филологическая наука и практика имеют дело не с абсолютным, но с относительным пространством, т.е. порядком взаимного расположения множества неких объектов ментального плана, или, иными словами, пространственной картиной мира.

Очень точно специфику этого феномена сформулировал Ю.М. Лотман: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здравый смысл”. При этом у обычного человека эти /и ряд

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ (проекты № 12-34-01225 и 13-34-01228).

других/ пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое... На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [1. С. 296].

В настоящей статье мы хотели бы обратиться к методологически важной, комплексной и вполне конкретной проблеме современного литературоведения, а именно к необходимости привлечения адекватной системы координат при рассмотрении культурного феномена или объекта, располагающегося и развивающегося в поле межкультурного взаимодействия. Материал для постановки такой проблемы представляет работа одной из классических томских филологических школ – научной школы жукововедения, представители которой в настоящий момент работают над подготовкой к изданию последнего тома литературных текстов В.А. Жуковского: это том поздних прозаических сочинений автора. И задачи, стоящие перед издательским коллективом, имеют вполне насущную актуальность – необходимо собрать, выявить, расшифровать, классифицировать, атрибутировать и прокомментировать сохранившиеся в разбросанных по миру архивах автографы Жуковского на немецком, русском и французском языках. Эта в общем-то нелегкая, но ставшая за четверть века привычной задача осложняется тем, что поздний Жуковский жил и трудился в Германии – с 1840 по 1852 г., т.е. более 10 лет, при этом практически не покидая ее пределов, сменив свой удивительно подвижный стиль жизни русского европейца-путешественника на оседлый образ жизни немецкого бюргера. И немецкий мир не может не рассматриваться в качестве непосредственного контекста, составлявшего эмпирическую окружающую действительность для жизни и творчества поэта, которые он манифестарно не отделял друг от друга.

Немецкий мир занимал особое место в горизонте восприятия «русского Коломба». В сравнении с островами представших перед ним инонациональных культур (английской, французской, итальянской и др.) он выглядит целым континентом, на котором Жуковский-вояжер решил поселиться, обрести родных, друзей, единомышленников, организовать свое личное пространство.

Известно, что взаимодействие В.А. Жуковского с немецким миром имело системный характер, и динамика этого взаимодействия во времени и пространстве обнаруживает сходство с **зеркальной мо-**

делью. На начальном этапе предопределяющую роль в этом диалоге играли идеи и концепты, воспринятые поэтом заочно, через посредничество книг и семьи Тургеневых, главным образом под влиянием Андрея и Александра, прививших молодому Жуковскому любовь к Шиллеру и «немцам-энтузиастам». В период 1810-х гг. на первый план выдвинулось общение с представителями дерптского университетского сообщества. На следующем этапе (в 1820–1830-е гг.) центральное место заняло визуальное восприятие немецкого мира и формирование образа Германии, разделенной на региональные школы и течения, получившие прописку в Дрездене, Веймаре, Берлине, Риме и других культурных центрах Европы. Начиная с 1840-х гг. характер контактов поэта с немецким миром вновь обуславливается ключевой ролью творческого диалога с отдельными яркими личностями (Г. Шези, А. фон Гумбольдт, Г. Криг фон Хохфельден, Ю. Кернер, И.М. Радовиц, К.А. Фарнгаген фон Энзе). И наконец, в финале житетворческих исканий Жуковский как будто снова обращается главным образом к миру немецкой литературы, активно осваивая идеи книжной культуры немецкого благочестия и пиетизма, идеи немецкой практической философии, в приверженности которой отразились масонство Жуковского и идеи «внутренней церкви». Эта зеркальная симметрия в широком смысле означает неизменность и постоянство творческой активности Жуковского-германофила относительно любых преобразований, подчеркивает конструктивное, программное значение немецкого мира в эволюции художественного метода русского романтика. Подробно о германофильстве Жуковского и его моделирующей роли в истории русской культуры говорится в нашем диссертационном сочинении [2].

Результатом соприкосновения В.А. Жуковского с плодами немецкой учености отчасти можно считать и русскую романтическую элегию, и балладу, и русскую «Одиссею», и пересказанный на русском литературном языке Новый Завет, однако сосредоточенность на обозначенном нами предмете и объекте исследования не должна затенять основной интенции Жуковского, для которого взаимодействие с немецким миром никогда не было самоценным, но направлялось на исполнение важнейшей сверхзадачи – служения русской литературе, русской культуре, русскому православию, русскому миру. Одной из важнейших сфер этого подвижничества для самого поэта всегда была его **педагогическая деятельность**. По верному заключению Ф.З. Кануновой, «педагогические взгляды органично входили в единую мировоззренческую систему Жуковского»[3. С. 137].

**Чтение как воспитание:
этапы, методы, история и перспективы
изучения педагогической деятельности В.А. Жуковского**

Л.Н. Киселева справедливо выделяет в карьере Жуковского-воспитателя четыре основных этапа [4. С. 128], связанных с домашним учительством в доме Протасовых (конец 1800-х гг.), обучением русскому языку великой княгини Александры Федоровны (1817–1825 гг.), наставничеством великого князя Александра Николаевича и других детей императорской фамилии (1826–1841 гг.) и, наконец, с воспитанием собственных детей Александры и Павла Жуковских. Три первых этапа этой карьеры более или менее освещены в современном жуковсковедении или известны по наследию, оставленному самим поэтом-наставником. Последний и, безусловно, итоговый период, неотделимый от контекста окружения и общения, быта и бытия немецкого мира, нуждается в специальном рассмотрении, опыт которого мы представляем ниже.

Разделение педагогической деятельности Жуковского на периоды условно, поскольку основано исключительно на хронологическом, биографическом принципе, но оно позволяет рассмотреть в отдельности более или менее обозримые отрезки материала. В результате вполне уверенно можно говорить об определенных типологических сближениях всех этапов, или о сущностных характеристиках концепции поэта-педагога и об основных критериях ее оформления. Центральным из таковых выступает, думается, мировоззренческое убеждение в необходимости самосовершенствования, т.е. самовоспитания и самообразования, как в отношении ученика, так и в отношении учителя. Философия самосовершенствования, содержащая в себе, как и наследие русского романтика, идеалы просветительства и сентиментализма, мистического романтизма, объединяет все четыре этапа педагогической деятельности Жуковского в неизменно искомую им систему («единое целое»). Неизменен и метод для достижения этого педагогического идеала – чтение, общение с книгой, вдумчивое, с карандашом в руках. На практике эта базисная «собственная метода» романтика-учителя обозначилась многочисленными книжными собраниями, росписями, конспектами, антологиями, библиотеками, многие из которых сохранились донныне. С одной стороны, каждая из реально существовавших или воплощенных лишь на бумаге книжных коллекций, составленных Жуковским, в определенной мере представ-

ляет воплощение педагогической установки. С другой стороны, в этих росписях и библиотеках всегда обнаруживаются труды о воспитании, которые были интересны поэту и в определенной мере служили необходимым ему «огнивом», определяя направление мысли.

Самые известные из таких книжных сводов – выраженные материально библиотека самого поэта и составленная им коллекция книг для воспитания наследника в 1828–1832 гг., а также запечатленные на бумаге собрания, самыми масштабными из них являются «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805); «Конспект по истории литературы и критики» (1805–1810), «Выписки В.А. Жуковского из произведений немецкой эстетики и критики» (1818). При этом увлечение педагогическими трудами прочитывается в этих книжных коллекциях изначально. В «Росписи...» указано более двух десятков педагогических работ.

Уже в 1800-х юный Жуковский находится в курсе современных ему тенденций в науке и практике домашнего и народного воспитания. Он сознательно работает над методикой по обучению племянниц и пишет Марии Протасовой: «Прочту несколько книг о воспитании, сравню то, что в них предписано, с тем, что вы делали, воспитывая детей, и предложу Вам свое мнение о том, что осталось делать»), а также мечтает о посещении швейцарских педагогических провинций великого Песталоцци «для того, чтобы завести что-нибудь подобное в России и быть через то истинно полезным» [5. С. 26]. В метатекстовом пространстве «Вестника Европы» в период редакторства Жуковского (1808–1811 гг.) из многочисленных публикаций создается романтический образ Руссо, фигура которого актуализировалась для Жуковского «во второй половине 1800-х гг. в связи с программой самообразования и самосовершенствования» [7. С. 70]. На страницах журнала были также статьи о Фелленберге и Песталоцци, в которых излагалась суть их методов.

В период заочного знакомства с немецким миром книги становятся для Жуковского главным каналом связи с новейшей гуманитарной мыслью, и эта установка реализуется в его деятельности редактора «Вестника Европы», на страницах которого мы находим две важнейшие заметки самого поэта 1810-х гг., содержащие изложение взглядов на воспитание и образование это «Училище бедных, сочинение госпожи ле Пренс де Бомон» (1808) и «О критике. Письмо к издателям “Вестника Европы”» (1809). В этих публикациях видится реализация той же основной идеи Жуковского-педагога о главенствующей роли

книги в воспитании и образовании человека, любого сословия и происхождения. В частности, в заметке о новой книге «Училище бедных» вслед за утверждением о том, что «мы не имеем еще полезных для простолюдина книг», намечен своего рода план библиотеки для чтения, необходимой простому народу:

Библиотека поселян, ремесленников и им подобных не может быть многочисленна. Желая, чтобы она составлена была из таких книг, которые, не отвлекая их от ограниченного их состояния, напротив, всегда устремляя на него мысли их, – открывали им способ находить в нем счастье, им возможное. Самыми необходимыми почитаю следующие: 1) *Катехизис морали* <...> основанной на правилах Священного христианского учения; 2) *Общие понятия о натуре, о главных ее законах, о некоторых явлениях небесных*; 3) *Энциклопедия ремесленников и земледельцев*; 4) *Повести и сказки*; 5) *Общие правила, как сохранять свое здоровье*; 6) *народные стихотворения*. <...> Вот книги, которые желал бы я найти во всякой уездной и деревенской школе [б. Т. 12. С. 114].

В письме «О критике» звучит та же назидательная педагогическая мысль, адресованная не только издателям и авторам, но и читателям «Вестника Европы», о необходимости переосмыслить значение круга чтения и его состав в соответствии с его серьезным образовательным потенциалом:

Покуда чтение будет казаться одним посторонним делом, которое позволено пренебрегать; пока не будем уверены, что оно принадлежит к одним из важнейших и самых привлекательных обязанностей образованного человека, по тех пор не можем ожидать от него никакой существенной пользы, и романы – самые нелепые – будут стоять на первой полке в библиотеке русского читателя. Пускай воспитание переменит понятия о чтении! Пускай оно скажет просвещенному юноше: обращение с книгою prepares к обращению с людьми – и то и другое равно необходимы! В обществе мертвых друзей становишься достойнее живых – то и другое требует строгого выбора! Каждый день несколько часов посвети уединенной беседе с книгою и самим собою; читать не есть забавляться, не есть избавлять себя от тяжелого бремени, но в тишине и на свободе пользоваться благороднейшею частью существа своего – мыслью. В сии торжественные минуты уединения и умственной деятельности ты возвышаешься духом, рассудок твой озаряется, сердце приобретает свободу, благородство и смелость; самые горести в нем утихают. Читать с такою целью – действовать в уединении с самим собою для того, чтобы научить себя действовать в обществе с другими, – есть совершенствоваться, стремиться к тому высокому предмету, который назначен для тебя Творцом, час от часу более привязываться ко всему доброму и прекрасному... О, друзья мои! Как далеко от такой благородной деятельности духа сие ничтожное, унизительное рассеяние, которое обыкновенно мы называем чтением книг! [б. Т. С. 114].

В новой для себя ипостаси придворного учителя, а затем воспитателя наследника Жуковский на практике и на собственном примере продолжает последовательную реализацию этой идеи, на базе чужих

литературных и педагогических трудов, неизменно содержащих образовательную и назидательную доминанту, он разрабатывает собственные методики обучения русскому языку Александры Федоровны, оригинальные способы наставления наследника. Приступив к обязанностям царского наставника, прежде всего Жуковский собирает библиотеку для будущего Александра II. Его литературное творчество также может быть рассмотрено и как педагогическое. Совершившая поворот к романтизму антология избранных страниц его немецких переводов, представленная в выпусках «Für Wenige/Для немногих», была пособием по русской словесности для Александры Федоровны; «Муравейник» и «Собиратель» замышлялись как педагогические журналы. Основы царской педагогики Жуковского, запечатленные в планах, конспектах и переводах на страницах тетрадей для подготовки к занятиям с Александрой Федоровной, открывают перед нами магистральную просветительскую доминанту педагогических взглядов Жуковского. И хотя в 1826 г. в журнале «Детский собеседник» вышли четыре детские сказки братьев Гримм в переводе русского романтика, сам он «почитал их не заслуживающими никакого внимания» и просил напечатать анонимно [8. Т. 4. С. 591].

Педагогические штудии Жуковского с 1826 г. были связаны с воспитанием наследника престола, поэтому его внимание было сконцентрировано на образовании и формировании личности человека в юношеском возрасте. Отдельный блок книжного собрания поэта составляют труды в соответствующем роде. Литература о воспитании будущих монархов занимала отдельную нишу в кругу педагогической мысли Европы. Особое место в собрании трудов о деятельности наставника монарших отпрысков и будущих правителей, которые заслуживают специального разговора, занимает работа немецкого просветителя Э.М. Арндта (1769–1860 гг.) «Проект воспитания и наставления принца», поскольку на ее страницах Жуковский записывает свой «трактат о воспитании», где очевидна исключительно просветительская установка руссоистско-песталоццианского плана. Ключевые слова этого фрагмента – образование («единство и гармония с образованием»), разум («средства, согласные с правами существа разумного»), соотношение свободы и рассудка («главная цель твоя да будет согласование свободы с рассудком, ибо на нем основано правильное достоинство человека») [9. С. 493–494]. И хотя в намеченной Жуковским стратегии естественно не обходится без романтических принципов («воспитывай для высшего идеального мира»), открываются они

исключительно в соответствии с логикой Арндта-просветителя, не предполагают свойственной позднему Жуковскому религиозной, меланхолической окраски.

В 1840–1850-х гг. педагогические замыслы Жуковского также определялись жизненными обстоятельствами: страстным желанием участвовать лично в воспитании дочери Александры (1842 г.р.) и сына Павла (1845 г.р.), а также наследников своего воспитанника Александра II, у которого к 1847 г. было четверо детей. На этом позднем этапе творческие искания Жуковского – отца семейства имели не только частный характер, размышления о воспитании в финале жизнетворчества великого русского поэта, рисовальщика и наставника получили философскую окраску и небывалый масштаб. Романтический универсализм и субстанциальность системного мышления вкупе с новыми жизненными обстоятельствами обнажили основную структурообразующую направленность его опытов – назидательную, или педагогическую. Так, собственное официальное «вероисповедание и завещание новой русской культуре», «Одиссею», он посвятил своим царственным воспитанникам, Константину и Александру; настаивая на необходимости выпустить и «Одиссею» для юношества, которая стала бы «самою образовательною детскою книгою» [6. Т. 6. С. 642]. А неофициальное заповедание сыну выразил переводом Нового Завета, преподнесенным к первому дню рождения Павла Васильевича. Знаковым было и целенаправленное переосмысление Жуковским в 1840-х гг. своих сочинений в жанре сказки, которые возникли от стремления достичь «идеала детских сказок», где все должно быть «нравственно-чисто», «живо и возбуждительно для души», предназначено для «приятного, непорочного занятия фантазии» [10. Т. 6. С. 591–592]. Идея воспитательного эпоса определила направление поэтических поисков, библейские повести и франкфуртские сказки также могут быть рассмотрены как часть грандиозного замысла педагогического издания антологии для детского чтения «Повести для юношества». В сюжетах стихотворных сказок и повестей Жуковского 1840-х гг. впервые появляется центральный детский персонаж («Тюльпанное дерево», «Капитан Бопп» и др.).

Вполне ясная ориентация поэта, посвятившего педагогической деятельности всю свою сознательную жизнь, определялась не только индивидуально-личными или профессиональными нуждами. Эволю-

ция творческого мышления Жуковского-германофила обуславливалась и современными ему основными тенденциями гуманитарной мысли немецкого мира, переживавшего в 1840–1850-е гг. не только революционные потрясения, но и небывалый подъем педагогической мысли, всплеск издательской активности публикаций о воспитании детей и юношества. Итоговые размышления наставника русского царя-освободителя оказались синхронными очередному периоду педагогического века Германии, и этот новый интенсивнейший диалог Жуковского с духом времени, как и прежде, резонировал с индивидуальными творческими исканиями русского романтика. Что же нового было в этом диалоге о воспитании? Прежде всего, сознательный поворот к детству и отрочеству.

Жуковский с середины 1840-х гг. активно работал над планами русской «Живописной Священной истории», настаивал на необходимости создания русских хрестоматий для детей, а также на обновлении известных в России материалов для домашнего воспитания и образования. Словом, не только завершённые проекты – «Одиссея» и перевод Нового Завета, но и масштабные неоконченные труды позднего Жуковского имели педагогическое предназначение. Из писем к П.А. Плетневу известно, что поэт планировал составить «полный курс домашнего, систематического учения», опубликовать «Живописную азбуку», «Живописную священную историю», «Грамматические таблицы», «Мнемоническую арифметику», «Исторический атлас древней истории». Жуковский вдохновлял А.П. Елагину на издание педагогического журнала и А.Ф. фон дер Бриггена на создание «вспомогательного сборника изучения истории», на составление «избранной библиотеки из древних историков», которая могла бы стать «лучшим дополнением изучения древней истории в публичном и домашнем воспитании», «важным подарком не одним охотникам до хорошего образовательного чтения, но и учебным заведениям и домашнему воспитанию» (письмо от 1 (13) июня 1846 г.).

Наконец, он настойчиво предлагал своему воспитаннику Александру II услуги по составлению новой библиотеки педагогических трудов и дидактических материалов для использования в домашнем воспитании его детей:

Я бы желал заняться на досуге приготовлением всего того, что может быть нужно для их первоначального учебного курса, т.е. я желал бы предварительно, начисто, по моей известной вам, методе обработать если не все, то хотя, некоторые главные предметы, долженствующие войти в состав этого первоначального курса и в то же время собрать лучшие детские учебные книги, которые могли бы

служить пособием для того, кому будет поручено преподавание первоначальное. Если учение начинается с 7-ми лет, то первые два года, то есть 8 и 9, должны быть просто посвящены практическому развитию телесных сил и нравственных способностей, наставлению в чтении и письме и особенно повествованиям из священной истории, которыми молодое сердце питомца наилучшим образом готовится к принятию впоследствии веры (30 октября (12 ноября) 1845 г.).

Жуковский как опытный педагог царской фамилии неоднократно указывал воспитаннику на значимый потенциальный пробел в будущем домашнем воспитании наследников, который он и стремится восполнить, собрав «лучшие учебные книги во всех родах, немецкие, французские и английские». В следующем году поэт повторил свое намерение в письме от 10 (22) января:

Между тем, я бы желал (и об этом я писал уже к вашему высочеству), чтобы вы на всякий случай дали мне разрешение, собирать ли для вас учебные книги, то есть такие, которые со временем могут быть нужны для преподавателей ваших детей, особенно в первый период преподавания, когда надобно иметь под руками весьма много разного, чтобы из многого составлять одно целое. Особенно нужно собрать лучшие элементарные книги и для них гравюры во всех родах, дабы чувственным впечатлением дополнять наставление учебное. Для собрания гравюр можно составить особый план (какой у меня и есть), и совсем не нужно, чтобы гравюры были дорогие: нужно только, чтобы их собрание было полное, чтобы они обнимали сколько можно весь курс предварительного учения, от первых понятий до всеобщей истории. Здесь такое собрание легко составить; в Петербурге это не будет возможно».

Педагогические труды 1840–1850-х гг., сохранившиеся в библиотеке В.А. Жуковского, представляют особый научный интерес не только как творческая лаборатория поэта в период его частной жизни в Германии, но и как самостоятельный и важнейший для Жуковского-наставника проект, имевший масштабные цели по развитию отечественной педагогики.

Благодаря разысканиям Д. Ребеккини нам известен состав личной библиотеки Александра II, собранной для него Жуковским в 1820-х гг. для будущего обучения наследника. Количество изданий на немецком языке в этом книжном корпусе в полтора раза превышало все, вместе взятые, труды на русском, польском и английском [11. С. 85]. Установлено, что большую часть библиотеки наследника составляли книги по естественной истории, учебные пособия по естественным и точным наукам, но главное место занимала художественная словесность. Прочитированные письма к Александру свидетельствуют о том, что второе собрание должно было представлять, прежде всего,

появившуюся в немецком мире специализированную педагогическую литературу, теоретические этюды и практические брошюры для родителей и домашних воспитателей, а также собрания произведений для детей и юношества. Несколько изменились в соответствии с современными тенденциями и приоритеты царского наставника в отношении исторических трудов. Значительную часть новой библиотеки наследников предполагалось составить из изданий по священной истории и географии святой земли. Эти эмпирические наблюдения требуют подробных разъяснений, поскольку запланированное обновление книжной коллекции императора в действительности приоткрывает целый этап творческой эволюции самого В.А. Жуковского, в очередной раз отыскивавшего в немецком мире идеи, созвучные собственным.

***Собрание трудов о воспитании
в библиотеке Жуковского как воплощение диалога
с немецким миром 1840–1850-х гг.***

Цель настоящей статьи – исследовать круг педагогического чтения Жуковского 1840–1850-х гг., изучить характер осмысления поэтом трудов о воспитании на основании его помет, записей и планов, оставленных на страницах этих работ, соотнести таким образом очередной эволюционный этап творческого мышления позднего Жуковского с аутентичным ему немецким окружением и контекстом последнего десятилетия его жизнетворчества.

Материал для подобной постановки вопроса и его изучения представляет уникальное книжное собрание В.А. Жуковского, которое при всей своей самоценности является результатом репрезентативного отбора из всего корпуса гуманитарной мысли современного поэту европейского мира. Абсолютное большинство изданий о воспитании, собранных им, были выпущены в Германии 1845–1851 гг. (более полусотни книг и брошюр). Характер чтения этих педагогических трудов обнаруживает высокую заинтересованность Жуковского в материале, собственную стратегию осмысления и системность взглядов опытного наставника, наличие вполне определенных приоритетов. Из английских педагогов в библиотеке поэта представлены, главным образом, труды М. Эджворт (1767–1849), интерес к ней был связан

в первую очередь с сотрудничеством и диалогом поэта с А.П. Елагинной, которая перевела ее труд «Практическое воспитание». Пометы самого Жуковского мы находим только в двух из восьми многотомных изданий Эджворт, а именно во французском и немецком (!) переводах ее избранных сочинений, изданных в 1840 г. Среди французских авторов педагогических сочинений, изданных в 1840-х и эвентуально связанных с составлением библиотеки о воспитании, имеются два имени – знаменитого писателя, автора учебников по истории Ж.Р. Ламе-Флери (1797–1878), а также мало известной Н. Лажоле, представленной одним изданием книги о практическом воспитании девочек 1844 г. Одиннадцать многотомников Ламе-Флери всеохватывают его педагогическое наследие, среди них находим все его известные исторические книги об открытии Америки, об истории Англии и Греции, «Геометрию, объяснённую детям», но немногочисленные пометы поэта содержатся лишь в известнейшем издании автора по истории Франции, предназначенного для юношества. Десять из них, судя по году издания, были собраны Жуковским в 1840-х гг. в Германии. Таким образом, исследуемый проект библиотеки о воспитании и для воспитания базировался на немецкоязычной литературе, Жуковский-германofil был в курсе основных тенденций и новинок европейской педагогической мысли, и, как мы увидим далее, сознательно отдавал приоритет немецкоязычным книгам. В сравнении с первым книжным собранием для наследника второе составлено из них практически полностью, точечное представление английских и французских авторов не может сравниться с моделирующей функцией немецких, а точнее, прусских изданий в его педагогической коллекции 1840-х гг.

Общая картина немецкой педагогики к 1840-м гг. была составлена из отдельных, ставших классическими и новых школ, связанных с именами их основателей и последователей. Жуковскому были хорошо известны проекты немецких педагогов-филантропистов, «новых воспитателей», выступивших в XVIII в. под началом И. Базедова (1724–1790) с идеей домашнего и родительского воспитания. Принцип наглядности представления материала в иллюстрированных таблицах и гравюрах, реализованный в четырехтомной детской энциклопедии Базедова, широко использовался Жуковским при разработке его оригинальных методов обучения. Русский наставник был знаком и с основоположником неогуманизма Вильгельмом фон Гумбольд-

том, благодаря стараниям которого в начале XIX в. была проведена гимназическая реформа старого «ученого» образования в Пруссии [12. С. 153]. Наконец, русский поэт пережил и увлечение революционными идеями новатора дошкольного образования, классика науки о воспитании и элементарном образовании, швейцарца И.Г. Песталоцци и его последователей. Неиссякаемый интерес к педагогической мысли Швейцарии занимал особое место в картине швейцарско-германских впечатлений и рефлексии Жуковского. В период интенсивной педагогической деятельности он не только изучил классические труды И.Г. Песталоцци, Ф.Э. Фелленберга, беседовал со швейцарскими педагогами Ф.Ц. Лагарпом, И.Г. Тоблером, но и находился в дружеских отношениях с организатором частного пансиона в Петербурге пастором Иоганном фон Муральтом, «апостолом Песталоцци», считал своим сподвижником по воспитанию наследника Ф.А. Жилия. О пристальном внимании к идеям «старика Песталоцци» [6. Т. 13. С. 209] говорит тот факт, что его собрание сочинений (1819–1829) было приобретено для личной библиотеки после первого путешествия в Швейцарию, где поэт беседовал о Песталоцци с продолжателями его дела Бонштеттеном и Фелленбергом. Влияние идей Руссо и опытов Песталоцци прочитывается, как известно, и в «Плане учения наследника», созданном Жуковским.

Швейцария органично вписывалась в германофильство Жуковского как родина педагогической науки, и ее лучшие представители и их идеи отвечали «нравственным убеждениям» лучших представителей русского общества, в том числе В.А. Жуковского. Многолетние контакты с придворными наставницами русских и немецких правящих династий швейцарками М.М. Вильдермет и Э. Сильвестр играли не последнюю роль в формировании его педагогических убеждений до ухода с должности воспитателя императорской фамилии. Таким образом, к моменту переселения в Германию Жуковский был не только хорошо подкован теоретически, но отлично знаком с основными педагогическими идеями и учебными заведениями Европы, внедрявшими инновации в обучение детей. Поэтому отбор литературы для пополнения библиотеки о воспитании для наследников российского престола производился изначально на принципах, немного отличных от оснований Жуковского-наставника 1820-х гг., стремившегося приобрести для великого князя и для себя главным образом все новинки книжного рынка. Стратегия Жуковского-педагога 1840-х гг. была продиктована, с одной стороны, общественно-политической ситуаци-

ей, сложившейся в Пруссии, с другой – собственными мировоззренческими убеждениями, впрочем, не противоречащими контексту немецкого мира и близкого окружения.

Дискуссия о воспитании приобрела в предреволюционной Пруссии 1840-х гг. государственный размах, взошедший на престол король и друг Жуковского Фридрих Вильгельм IV (1795–1861) видел в масштабных демократических реформах школьного образования, проведенных при деятельном участии отца, причину подготовки либерально мыслящего поколения. Автономия школьного образования, на которой настаивал В. Гумбольдт, и создание национальных школьных систем, «педагогических провинций», действительно, способствовало разобщению идеологии монархии, церкви и молодого поколения 1848 г. Поэтому в 1840-х гг. решено было укрепить влияние церкви на воспитание и образование детей и юношества. В результате в Пруссии, а вслед за ней и в целом ряде немецких княжеств происходит возврат к основам христианского воспитания, у истоков которого стояли пиетисты. По закону 1846 г. отбор и утверждение в должности учителей вновь принимает на себя епископат. Это влияние усиливается и в постреволюционное время, несмотря на принятие Общегерманской конституции 1848 г., признававшей школу светским заведением, обязанным принимать всех учеников, невзирая на их религиозные взгляды. Согласно Прусской конституции 1850 г. преподавание религии во всех школах было обязательным, при этом преимущество в получении должностей наставников имели выпускники теологических факультетов, а начальные учебные заведения находились полностью в ведомстве духовенства. Программа образования педагогов также включала в себя в обязательном порядке обучение преподаванию религии. Такое положение вещей сохранялось практически на протяжении всего XIX в.

Жуковский как царский наставник, общественный деятель, радевший за дружественного ему короля Фридриха Вильгельма IV и проводимую им политику, не мог оставаться в стороне от этих государственных решений. Его поздняя статья «Свобода преподавания», очевидно, создана в ответ на прусские реформы образовательных и воспитательных объединений; автор как будто выступает в защиту решительных мер, задуманных королем:

Может ли существовать полная свобода преподавания в университетах или нет? Конечно, нет. Преподаватель, принимая обязанность профессора, входит в условия с правительством действовать согласно с ним...»; «в предметах преподавания, кои относятся к религии, политике и нравственности, сия самобытность должна быть ограничена предварительным условием с правительством, что пре-

подаватель будет действовать в смысле религии, установленного порядка и нравственности [13. Т. 11. С. 31].

В ином случае, по мнению русского поэта, правительство имеет право «удалить его», что и было сделано с особенно бурно демонстрировавшими свое несогласие педагогами, даже такого масштаба как Дистервег. Вывод Жуковского гласит:

Главный вопрос, на который должен отвечать профессор теологии [какой бы то ни было отрасли], есть: веришь ли ты во Христа? Если он отвечает: верю, – то он получает право преподавания [13. Т. 11. С. 31].

Единственно верное основание для нового государственного курса Пруссии в вопросах воспитания и образования было исторически предопределено деятельностью педагогов-пиетистов в XVII–XIX вв. Немецкая система воспитания и образования, внедренная представителями пиетизма и получившая широкое распространение в Галле уже в начале XVIII в., была одной из старейших и оказавших сильнейшее влияние на европейскую педагогическую мысль. Идеология пиетизма как религиозного учения в чистом виде была официально запрещена и по большей части реализовалась на практике в воспитательно-образовательных учреждениях Августа Германа Франке (1663–1727), где благодаря воплощению принципов практического обучения ученики получали навыки и умения, важные для повседневной жизни, занимались естественными и точными науками, историей, физической культурой, трудом в саду и ремеслом. Однако высокой целью этой практической образовательной доктрины было воспитание благоверного христианина. Пиетисты одними из первых в немецком мире провозгласили идею о том, что множество нравственных пороков общества происходит от невнимания к детям как в семье, так и в образовательных заведениях. Организованные Франке и его последователями первые школы исключали из программы обучение на латинском языке, новаторским введением в систему начального и среднего образования стала «христианская катехизация», предполагавшая адаптированное к восприятию ребенком изложение основ вероучения, иллюстрированное наставление, приучение к молитве. Это нововведение должно было поддерживаться родителями и воспитателями в домашнем кругу. Центром педагогических преобразований, инициированных А.Г. Франке, стал придерживавшийся пиетистских настроений город Галле, где и были организованы приют и школа для бедных, затем общеобразовательная городская школа,

а вскоре и знаменитый «Педагогиум», в котором обучался и сводный брат В.А. Жуковского Иван Афанасьевич Бунин [14. С. 10–11]. В учреждениях Франке впервые было организовано профессиональное образование педагогов-преподавателей, набравшихся из студентов теологического факультета и выпускников «Педагогиума». Педагогическая деятельность пиетистов поддерживалась прусским двором, а проповедовавшиеся ими принципы воспитания, как и созданные учебные пособия, были внедрены во всех прусских владениях.

Не принимавшие догматики пиетисты оставили яркий след в немецкой культуре, во многом определив возникновение такого феномена, как книжная культура нового немецкого благочестия середины XIX в. Отрицая необходимость непосредственного участия христианина, а тем более ребенка, в церковной, государственной и светской жизни, Франке и его ученики видели в книге главное средство духовного развития. И хотя к 1840-м гг., когда переехавший в Пруссию Жуковский приступил к собиранию педагогической библиотеки и осуществлению собственных педагогических замыслов, шум вокруг деятельности самого Франке поутих, его идейное наследие продолжало активно разворачиваться как раз в интересовавших русского поэта сериях иллюстрированных изданий для детей и юношества в духе «христианской катехизации»: в антологиях библейских изречений, сочинениях В. Хея, пособиях для родителей.

Первая иллюстрированная «Народная Библия» [15] нашла свое место на полках библиотеки Жуковского в 1840-е гг. как важнейшая часть того самого немецкого культурно-исторического контекста, в который переселился поэт. Переиздание Библии Олифира и Шуберта в 1840-е гг. было связано не только с выпуском иллюстрированной Библии в издательстве Котта, но и с появлением в немецком мире 1830-х гг. поэтических притч для детей поэта, теолога и педагога Вильгельма Хея (1789–1854). В 1833 г. в издательстве Пертеса вышли его «Пятьдесят притч для детей. С иллюстрациями О. Шпектера и серьезным приложением» [16], в 1837 г. Пертесом были изданы «Еще пятьдесят притч для детей» Хея, а в 1838 г. появилась книга его стихотворных сочинений «Повести для юношества из жизни Иисуса» [17]. Жуковский приобрел и читал стихотворные повести Хея: их первое издание сохранилось в его личном книжном собрании [18. С. 184].

В послесловии для родителей в первом издании стихотворных притч, каждая из которых была снабжена иллюстрацией, автор писал:

«Если же вам нужна книга, где представлено превосходное, чрезвычайно богатое собрание изречений для малых и взрослых детей и притом имеется также специально оставленное свободным пространство, для того чтобы вы сами могли вписать в нужном месте то, что вам открывается, то приобретите “Библейский подарок для взрослых и детей” (Гамбург, Пертес). С ним, если у вас есть также хорошее собрание библейских историй, вы сможете долгое время обучать своих детей, вести их к Богу» [16. S. 59]. То есть свои сочинения Хей рассматривал как неотъемлемую часть трехсложного единства: его тексты должны были гармонично дополнять иллюстрированное Писание и сборник избранных библейских изречений «Библейский рождественский подарок». Газета «Рейнские листки о воспитании и обучении» сообщала в 1841 г., анонсируя издание поэтических творений Хей: «Настоящие поэтические картины должны были дополнять “Народную библию в картинках” Олифира, которая состояла из 50 изображений к Новому завету, снабженных комментариями Шуберга. Однако они были слишком велики, чтобы использоваться для школьных занятий, это и побудило священника создать поэтический сборник, произведения которого предназначались для чтения наизусть» [19. S. 325–326].

В результате к Рождеству 1843 г. в журнале «Теологические штудии и критические работы» [20. S. 142] появился анонс избранных переизданий лучшей немецкой духовно-назидательной литературы для юношества, выпущенной издательством Пертеса в Гамбурге, в который вошли и упомянутые книги: «Народная библия в картинках с пятьюдесятью иллюстрациями к Новому Завету Фр. Олифира и текстом Г.Г. фон Шуберга из Мюнхена в 5 частях», все три книги В. Хей («Пятьдесят притч для детей. С иллюстрациями О. Шпектера и серьезным приложением», «Еще пятьдесят притч для детей» и «Повести для юношества из жизни Иисуса»), а также «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей». О собрании библейских изречений авторы статьи писали на заключительных страницах теологического журнала: «Это небольшое произведение, как в нем и говорится, предназначено для тесного доверительного общения с Книгой Господа, священные тексты которой, данные Богом, используются для поучения, искупления, ободрения и наказания праведного. <...> Последовательность изложения, библейский смысл и библейский слог, теплота, сердечность и глубина чувства наряду с ясным пониманием, которые проявляются в подборке изречений этого прелестного собра-

ния, делают книгу достойнейшим подарком тем, для кого поистине важнейшим делом их жизни стало спасение души для времени и вечности» [20. С. 142]. Данный, фактически провозглашенный классикой, **комплекс** книг и стал предметом пристального внимания Жуковского в 1840-е гг. Оказавшись в контексте этой мощнейшей культурной традиции, Жуковский, отец семейства и увлеченный воспитатель, не мог не войти в ее русло. Он не только собрал и внимательно изучил лучшие издания о христианском воспитании, по-прежнему остававшимся в приоритете на территории Пруссии, но и стал соотносить собственные, на первый взгляд не связанные с детской литературой опыты с педагогической доктриной благочестия, о чем свидетельствуют уже известный контекст его творчества в целом и, в частности, его неизвестные автографы в изданиях библейских изречений для юношества «Рождественский подарок» 1843 и 1848 гг.

С новаторскими для своего времени идеями пиетистов русский романтик, конечно, был знаком и до переезда в Германию, главным образом, через посредничество правнука Франке и продолжателя его идей, принявшего на себя руководство организованной им империей образовательных учреждений Августа Германа Нимейера (1754–1828), автора фундаментального трехтомника по педагогике «Основы воспитания и обучения для родителей, домашних наставников и школьных учителей» (1796). Имя этого немецкого богослова, либреттиста, лирика было известно поэту с начала 1800-х гг., но связывалось именно с его педагогической деятельностью в Галле, А.И. Тургенев называл его не иначе как «знаменитым галльским педагогом <...> автором истории воспитания» [21. С. 169]. В апреле 1821 г. русский романтик имел возможность лично познакомиться с Нимейером на пасхальном обеде у короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, где педагог, по свидетельству Жуковского-очевидца, вел «разговоры за столом со всеми из королевской фамилии поочередно» [6. Т. 13. С. 164]. В библиотеке поэта хранятся два издания трехтомной работы Нимейера – 1810 г. и 1834–1835 гг. – с многочисленными маргиналиями и записями [18. С. 243]. Первое из них буквально испещрено пометами владельца на каждой странице, очевидно тщательно изучавшего работу Нимейера впервые. Записи Жуковского сделаны по-французски и носят реферативный характер. Так, из исторического экскурса он выписывает основные работы Песталоцци, т.е. первое издание трехтомника служит для него своего рода путеводителем по миру новинок педагогического века. Опубликованные Ф.З. Кануно-

вой в 1988 г. автографы Жуковского в книге Нимейера позволяют включить ее в ряд сочинений, служивших для подготовки к воспитанию наследника [3. С. 75].

Позднее издание Нимейера, вероятно, предназначалось для обещанного Александру II собрания книг о воспитании. Об этом говорят следы чтения Жуковского, сосредоточенные преимущественно во втором томе и представляющие собой исключительно отчеркивания рекомендованных Нимейером книг по священной истории и географии Святой земли, а также изданий, содержащих конспекты по этим дисциплинам в форме таблиц. Необходимо заметить, что табелярное представление того или иного предмета в ученических целях было введено в образовательно-педагогическую практику как специальный вид деятельности воспитанников именно в учреждениях Франке, и издания таблиц по истории, географии и другим предметам было результатом этих занятий. То есть известное пристрастие Жуковского-преподавателя к таблицам и планам, хотя и опосредованно (генетически или типологически), но определенно точно связано с методами, практиковавшимися в учреждениях пиетиста Франке и его последователей, прусских учителей.

Некоторые разыскания Нимейера Жуковский планировал включить и в состав задуманного им вместе с А.П. Елагиной в 1840-е гг. издания русской переводной антологии для чтения, предназначавшейся для учителей, а также для детей и юношества и названной «Библиотека для воспитания». Подробное исследование этого замысла Елагиной и его реализации принадлежит Э.М. Жиликовой, выявившей тот факт, что «участие Елагиной в создании «Библиотеки для воспитания», в разработке совместно с Жуковским концепции семейного воспитания, основанной на активном овладении опытом европейской науки, включении его в русскую педагогику, во многом способствовало развитию отечественной педагогической мысли» [22. С. 273]. О том, что Жуковский планировал включить в него Нимейера, свидетельствует письмо А.П. Елагиной, где собеседница Жуковского рассказывает о собственном проекте:

О библиотеке для воспитания скажу только, что это предприятие не может мешать вашему; думаю даже, что может служить ему введением. – Библ<отека> уже издается... <...> это составило 3 тома детского чтения и 3 теоретического чтения для родителей. – Это на первый 43-ий год. – Извольте руководствовать всем, все охотно и радостно покорятся вашему руководству. – <...> Ваш план точно такой же, какой был мой, выключая основанием взять Нимейера, сухого педанта, известного своим безверием» [223. С. 510].

Подобные высказывания А.П. Елагиной объясняются деятельностью самого Нимейера, который, уступив духу времени, духу педагогических инноваций, кардинально реформировал основанные прадедом образовательные учреждения, отступив от идеалов строгого христианского воспитания пиетистов. Нимейер, писатель и путешественник (в библиотеке Жуковского имеется один из лучших его травелогов [18. С. 243]), провозгласил новым кредо учреждений Франке девиз «Allesprüfen! Dasbestebehaltten!» («Всё проверить! Взять лучшее!»). В трехтомнике о воспитании и образовании он действительно «проверил», т.е. проанализировал лучшие идеи теоретиков и практиков педагогики – от Канта до Песталоцци и Вольфа. Нимейер не мог остаться в стороне от современного ему «педагогического века», несмотря на обособленность империи Франке. Трехтомное изложение своих и чужих педагогических убеждений было самым популярным трудом в немецком мире, и благодаря этой эклектичной, но фундаментальной установке автора ему удалось спасти от исчезновения школу Франке в критические для нее времена первых десятилетий XIX в.

Заметки о чтении книг Нимейера мы находим в дневниковых записях Жуковского от 7 (19) апреля 1839 г., сделанных спустя два десятилетия после выхода первой из читанных поэтом книг немецкого автора, во время посещения образовательной провинции известного голландского педагога И.П. Принзена (1777–1854): «...о том, каков должен быть учитель, не наставление, а рассуждение о читанном в Нимейере» [6. Т. 14. С. 163]. Учитывая реформы в системе образования и идеологии Пруссии 1840-х гг., Жуковский, конечно, не мог не включать наследника педагогической империи пиетистов в обновленное книжное собрание царя.

***Пометы, планы и записи В.А. Жуковского
в немецких педагогических сочинениях 1840–1850-х гг.:
резонансы восприятия***

Описанная ситуация в немецком мире определила во многом и принципы отбора других изданий по педагогике. Из более полусотни книг, собранных русским поэтом в 1840-е гг., более половины так или иначе затрагивают теоретические и практические аспекты христианского воспитания. Особое внимание поэта привлекли труды Г. Лангентала «Человек и его воспитание» [24] (Йена, 1845),

К.Г. Целлера «Уроки опыта. Для учителей христианских школ» [25], а также «Краткое учение о душе, основанное на Писании и опыте. Для родителей, воспитателей и учителей» [26] (Штуттгарт, 1846) и Г.В. Гробе «Ценность и методы христианского воспитания детей» [28] (Кассель, 1851), содержащие пометы, планы и записи владельца.

Генрих Лангенталь (1792–1879) – немецкий филолог, теолог и педагог, ученик Шлейермахера, друг автора идеи и первого основателя детских садов, директора сиротского приюта в Швейцарии Ф. Фрёбеля (1782–1852) – посвятил свое трехтомное сочинение «Уроки опыта» детям 4–7 лет, т.е. тому самому возрасту, в котором Жуковский еще не предполагает серьезного обучения дочери и сыновей Александра II (см. цитированное выше письмо 1845 г.). Однако поэт выделяет в книге мысли, созвучные его собственным размышлениям о воспитании, в установочном разделе «Когда и как посвящать и вводить ребенка в отношения с Богом и приучать его заботиться о них?»:

Человеческой природе свойственно от рождения стремление к глубине, к сущности жизни. Это стремление выражается во врожденном единении нашего существа с Богом. ...Если есть это стремление в матери, в семье и окружении, то оно пробудится и в ребенке по мере развития его способностей. Таким образом в ребенке зарождается предчувствие святого и несокрушимого и проникает во все его чувства [24. С. 6];

При укрощении своеволия многое зависит от того, насколько вся жизнь в семье смогла разбудить и сохранить в ребенке то предчувствие, частью которого является теперь забота о его верном развитии и образовании. <...> теперь дружелюбие часто должно уступать место решительной серьезности [24. С. 7];

Дух Господа должен одержать верх, а с ним и вера, которая владеет миром! Привести ребенка непосредственно к Богу через молитву, когда он уже видимо готов к этому [24. С. 8, 12].

Второе издание с пометами Жуковского является сочинением выходца из семьи вюртембергского пиетиста, священника и одаренного педагога, известнейшего последователя Песталоцци Кристиана Генриха Целлера (1779–1860). Целлер начинал свою карьеру в должности домашнего воспитателя, однако по-настоящему его талант раскрылся в 1810-е гг. с учреждением первой школы для бедных в 1817 г. в замке Бойгген под Рейнфельденом, за ней последовали еще 22(!) учебных заведений одной модели, предполагавшей в первую очередь не просвещение и обучение, но христианское воспитание учеников. Деятельность Целлера представляет собой своего рода образец успешного внедрения идеологии пиетизма в образовательную систему XIX в., именно такие педагогические провинции поддержи-

вались государством с 1840-х гг. (школы Целлера просуществовали вплоть до 1930-х гг.). При этом Песталоцци, посетивший Бойген в 1826 г., по воспоминаниям, остался доволен увиденным, произнося: «Это то, чего я хотел». Целлер создал целый ряд трудов о воспитании, семь его книг сохранились в личной библиотеке Жуковского, среди них трехтомник «Уроки опыта. Для учителей христианских школ» и «Краткое учение о душе» (1846) с пометами и записями читателя. Вот тезисы, выделенные поэтом в первом сочинении педагога:

Целесообразность такого развития не должна основываться только на насущных задачах времени нашего мира или на произвольных задачах людей. Оно только тогда целесообразно, развитие дитя человеческого, когда ориентировано на святые цели, слова и волю Бога, который создал человека и который есть Отец всего сущего, что называет ребенок, на земле и на небесах [25. С. 4].

Вот образ, по которому должно быть организовано всякое человеческое образование. Вот дух, что содержит истинную, образующую человека силу. Вот Отец, быть живым и добрым сыном которого, есть высочайшее назначение человека [25. С. 4].

В узком и общепринятом смысле под воспитанием понимается всякая помощь, с которой ребенок готовится к своему предназначению, до того времени, когда он сможет обходиться в этом и без помощи своего наставника-человека [25. С. 5].

Отец Небесный есть единственно истинный, высочайший и всеобщий наставник человеческий. Он наставляет через сына своего, совершенного человека, в котором он открывается и через которого научает. Поэтому Сын Божий есть добрый пастырь, пастырь душ человеческих, управитель его добродетелей, их пример и предтеча, учитель, священник и господин [25. С. 5].

Заклучая браки, вы создаете государства. Если браки процветают в святом благословении и благочестивом воспитании, то процветают и государства. Благоденствие всех государств стоит и приходит в упадок вместе с жилищами их семейств [25. С. 9].

Церковь должна быть институтом воспитания и спасения, который охватывает, объединяет не только одно государство и Отечество, но и всю Землю, все браки, все государства, несет смысл Божий везде в них всех, и людей их готовит не только для жизни временной, но для жизни вечной [25. С. 11].

Чтобы воспитать детей наших, нам чаще не хватает не простых знаний, но познания слова и воли Господа, которые есть важнейшее для этого и того мира [25. С. 13].

Практически каждое из отмеченных Жуковским утверждений Целлера находит соответствие в его поздних прозаических фрагментах. Из приведенных цитат видно, что поэта интересуют несколько аспектов – сущность воспитания, важность христианского воспитания и образования, послушание ребенка воле родителя и повиновение высшей воле; брак и супружество как единственно верный уклад для христианского воспитания. В статьях русского поэта второй полови-

ны 1840 – начала 1850-х гг., а именно в этюдах «Свобода преподавания», «Вера и знание», «Что такое воспитание?», а также в переписке фигурируют высказывания, которые почти дословно повторяют основные положения духовно-нравственного учения пиетистов о человеке и его воспитании. Приведем лишь некоторые такие примеры из поздней прозы Жуковского, которые без преувеличения можно назвать сорванными с уст одного из педагогов-пиетистов:

Здесьняя жизнь есть приготовление человека к жизни высшей. Воспитание есть приготовление души человека к приятию уроков здесьней жизни [13. Т. 11. С. 25];

Сама жизнь здесьняя не иное что, как воспитание для будущей; а вся будущая – не иное что, как бесконечное воспитание для Бога [13. Т. 11. С. 25];

Что есть предназначение человека на земле? В одном слове: восстановление падшего в нем образа Божия. Воспитание должно в первые годы жизни сделать его способным пройти впоследствии несколько шагов для достижения этой цели [13. Т. 11. С. 26].

На страницах второй книги Целлера «Краткое учение о душе, основанное на Писании и опыте, для родителей, воспитателей и учителей» (1846) имеется важная запись Жуковского, резонирующая с рассуждениями немецкого автора об иерархии дух – душа – тело. На третьей странице находим карандашный автограф на русском языке: «дух – душа – тело – дело», в котором логика Целлера дополнена последним звеном. По сути, фрагмент Жуковского из тома поздней прозы «Плоть – дух» воспроизводит в целом общую канву сочинения немецкого педагога, кратко изложенную русским поэтом в абзаце:

Итак, человек составлен из духа, души и тела; без соединения сих трех нет человека. Дух – царствующая, самобытная часть человека; душа – посредник между духом и телом; тело – само по себе нечто безжизненное, материальное, подчиненное [13. Т. 11. С. 11].

Прозаический цикл статей, «Мыслей и замечаний» Жуковского 1840–1850-х гг. развивает лейтмотивную тему о необходимой сопряженности государственной власти, общественного порядка и уклада жизни отдельного гражданина в свете христианской религии. Тезисные утверждения романтика находятся в отрывках «Постановления», «Самодержавие», «Человек в обществе», в биографическом очерке «Иосиф Радовиц» и других сочинениях, составляющих задуманный, но не изданный том поздней прозы. Подобные размышления характеризуют новый этап универсализма творческого мышления Жуковского, однако непосредственные созвучия основным его историософским концептам мы находим

в корпусе идей современной ему немецкой публицистики pietistov-педагогов. Яркой иллюстрацией подобных прямых аналогий являются пометы и записи читателя на страницах четвертого издания популярного сочинения pietиста Г.В. Гробе «Ценность и методы христианского воспитания детей» (Кассель, 1851), которое представляло собой изначально цикл статей, опубликованных в периодике и определенно известных русскому поэту. Гробе напрямую соотносит Пруссию и Россию, политику, историю и педагогику, подобно позднему Жуковскому, объединяя их в свете религиозно-христианского мировоззрения. Изучая брошюру, русский романтик подчеркивает фрагмент предисловия, в котором цитируется высказывание Гробе, вполне прозрачно соотносящееся с его мыслями о воспитании, зафиксированными в прозаических заметках поэта:

В.А. Жуковский.
«Что такое воспитание?»

В идее, которая мало-помалу образуется в ребенке, о силе, справедливости и любви к нему родителей заключается и то понятие, которое после он получает о власти, правосудии и любви Божией. Кто не научился ребенком платить дань повиновения, послушания, почитания и любви своим отцу и матери, будет ли тот исполнять это взрослым по отношению к власти и законам своей страны? Кто в ранней юности не имел привычки к порядку и прилежанию, добродетели и покорности в родительском доме, станет ли тот позднее заботиться о том, чтобы занять себя в будущем полезным делом, будет ли блюсти порядок и исполнять обязанности, уважать права других? [13. Т. 11. С. 25].

Г.В. Гробе.
«Ценность и методы христианского воспитания детей»

Насколько чтит человек и народ милостивого Господа своего, настолько почитаемы им будут в действительности король, власть и законы. Все остальное есть неестественное, принудительное и рабское подчинение, не имеющее в себе никакого смысла. Достаточно будет лишь одной искры, и вся масса загорится ясным пламенем; достаточно будет и малейшей брешы, чтобы разрушительные потоки затопили всю страну [27. С. 5–6].

Выделенные Жуковским по ходу чтения книги тезисы эхом отзываются в его собственных фрагментах о самодержавии и законах, политике и истории, о вере и свободе. В сочинении немецкого автора размышления о религиозном воспитании и христианских основах государства облечены в стилистику публицистической заметки, поэтому наполнены броскими картинками, яркими примерами, провокационными риторическими вопросами и эпитетами в превосходной степени. Однако схожие приемы мы находим в созданных для публикации в немецкой периодике конца 1840 – начала 1850-х гг. статьях

В.А. Жуковского «Что будет?»; «О происшествиях 1848 г.»; «По поводу нападок немецкой прессы»; «Русская и английская политика». В тексте Гробе поэт находит, наконец, полное созвучие о религиозных основах государственности и истории:

Из этого явствует, отчего же две великие личности, император России и король Пруссии, гармонически сходятся в одном важном, мы хотим сказать, в важнейшем пункте своей политики без заранее подготовленного государственного соглашения. Мы говорим, хорошенько поразмыслив, в «важнейшем» пункте своей политике. Ведь что такое предписания и законы? Крючки и решетки для удовлетворения человека и получения собственности; способ сохранить и защитить от нападения воров и негодяев. Они должны и могут лишь принудить и направить народ к внешним пределам; но собственную силу в отношении воли и морального облака народа, которая исходит изнутри, не несет в себе ни один закон. Моральное влияние закона зависит только от религиозной точки зрения объекта. Потому-то насколько чтит человек и народ милостивого Господа своего, настолько почитаемы им будут в действительности король, власть и законы. – Религия есть единственно верный фундамент любого государства! В ней скрывается причина счастья народа и благоденствия государства! Если она не умирает, то юношество воспитывается религией и приходит к религии. Поэтому в каждом государстве религиозное воспитание юношества имеет первейшую важность [27. С. 9].

На полях напротив рассуждения автора о том, что основательное христианское и патриотическое воспитание – это верный фундамент государственности, Жуковский записывает по-немецки «Erzieher, Schule, Staat» («воспитатели, школа, государство»), обозначая неразделимую в его собственном представлении триаду. Наконец, внимание поэта тут же привлекает постоянная для сочинений о христианском воспитании мысль о священных узах брака. Жуковский выделяет:

...еще древние христиане чтили узы брака и день субботний [27. С. 21]; Без брака и почитания уз его не может существовать ни человечество в целом, ни отдельное государство. Эту истину признавали еще язычники [27. С. 23]; Брак есть естественная основа и почва воспитания детей»; «...христианское воспитание может быть дано лишь в христианском браке [27. С. 28].

Известно, что брак самого Жуковского не был простым из-за болезни его жены, однако поэт сохранил высокий идеал в представлениях о семейственности. В его письмах второй половины 1840 – начала 1850-х гг. читаем:

Семейная жизнь есть лучшее наше сокровище; но это сокровище покупается дорогою ценою [28. С. 60] (к К. фон Зейдлицу, от апреля 1849 г.); ...семейная жизнь, которая является стержнем жизни рода человеческого, не должна быть ничем другим, кроме как словом Божиим в поступках Человека [28. С. 237] (к Э.Я фон Штейнле, от 5 января 1851 г.).

собственные педагогические провинции. Вторую группу образуют сочинения о воспитании и образовании девочек, которое являлось актуальным вопросом немецкой педагогической науки XVIII в. и к 1840-м гг. составляло самостоятельную отрасль научной и практической педагогики. Третью и самую многочисленную рубрику представляет собрание антологий для детского чтения, «старых и новых», как обозначено в плане Жуковского, однако изданных в 1840-х гг.

Избранные Жуковским немецкие книги о воспитании в целом представляют репрезентацию трудов наследников движения нового воспитания, которые вслед за Руссо и идеей человека нового типа сконцентрировали свое внимание на всестороннем развитии ребенка. Педагогические концепции создателей частных учебных заведений в Германии первой половины XIX в., изложенные в печатной форме, содержат результаты работы их лабораторий практической педагогики, основанных на руссоистских принципах детоцентризма. Однако в Пруссии 1840-х гг. «свободные и активные» методы обучения и образования детей были поставлены на религиозную основу, сквозь призму которых видел собственную педагогическую систему и Жуковский. Провозглашенная на уровне государства христианская основа воспитания заставила многих немецких авторов принципиально переосмыслить идеи просветителей Д. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Последний был излюбленным автором Жуковского, увлекшим его до начала педагогической карьеры, свой оригинальный диалог с Руссо по различным аспектам русский романтик вел на протяжении трех десятилетий, однако новый его этап, думается, во многом навеян педагогическими идеями, царившими в современной ему Пруссии 1840-х гг. Так, в статье «Воспитание» читаем:

Многие отдельные замечания Руссо весьма справедливы и убедительны; но из всех сих отдельно справедливых замечаний выходит в целом что-то чудовищное».

Главные возражения поэта вызывает «совершенная независимость», которую Руссо предоставляет своему выдуманному воспитаннику, не способному к «покорности», и «не имеющему никаких привычек» (Жуковский). Это расхождение в демократическом и христианском понимании таких понятий, как свобода и привычка (повиноваться), становится основанием для довольно категоричного заключения русского наставника:

Система Руссо, так называемая система природы, есть уродство: он образует своего Эмиля для такого порядка, которого нет и быть не может и никогда не было [13. Т. 11. С. 26–27].

Во многом сугубо практическое направление мысли Жуковского педагога связано с собственным опытом, с отцовством, но не в последнюю очередь и с положением дел в известном своей деловитостью в сфере науки и образования немецком мире, где к 1840-м гг. результаты многочисленных и разнообразных экспериментальных педагогических провинций, организованных последователями реформаторской педагогики, были усвоены и популяризованы посредством книжной культуры. Среди собранных поэтом книг лучших педагогов, развивавших на практике идеи и методы Песталоцци, обнаруживаются труды Ф.А.В. Дистервега (1790–1866), К.Ю. Блохмана (1786–1855), В.И.Г. Куртмана (1802–1871), Ф.Ф. Вильмзена (1770–1831). Как видим, Жуковский интересовался, главным образом, опытами современников, возглавлявших собственные педагогические провинции или отдельные школы. Ярчайшим из этой плеяды является, безусловно, Дистервег, популяризовавший учение Песталоцци в Германии, дополнивший метод природосообразности принципами патриотического воспитания и выработки навыка к самостоятельному обучению. С 1848 г. Дистервег возглавлял организацию немецких учителей, выступал издателем педагогических журналов, о чем не мог не знать Жуковский. Однако он представлял точку зрения, противоположную близкой русскому поэту прусской консервативной партии власти, за что был отправлен в отставку, «удален» (Жуковский) за вольные политические взгляды и несоответствие их официальной политике, вставшей на сторону христианских основ воспитания. Очевидно, поэтому свое место в библиотеке поэта заняли не специальные труды Дистервега, а два его пособия для младшего возраста, изданные в 1845–1846 гг. Близкий Дистервегу по роду деятельности популяризатор концепции Песталоцци в Саксонии К.Ю. Блохман также фрагментарно представлен в библиотеке Жуковского, где хранится описание его учебного заведения и практическое описание его методов.

Практическая деятельность известнейших немецких педагогов-последователей Песталоцци и их печатные труды интересовали поэта, как это было всегда ему свойственно, в свете собственных замыслов: во-первых, в связи с желанием воспитывать собственных сына и дочь и участвовать в воспитании наследников русской царской фамилии. Дети принадлежали к одному поколению и к концу 1840-х гг. не достигли возраста школьного обучения, поэтому Жуковский изучает различные методики дошкольного образования и составляет собственные, о чем свидетельствуют его пометы в посвященной Песталоцци

книге (издание 1846 г.) еще одного его последователя И. Рамзауера (1795–1874) «Любовь в воспитании и преподавании» [29]. Ознакомившись с планами педагога, предлагающего систему вопросов для обучения детей речи и сообщению общих знаний об окружающем материальном мире, Жуковский записывает: «Показать и повторить – вопрос – ответ – фраза – показать на себе – раскрыть». В конце книги, на задней крышке переплета, следует расширенный тематический план занятий, намеченный Жуковским и повторяющий логику Рамзауера, под заглавием «Наименовани<я>»:

Человек
 Части тела
 Одежда
 Растен<ия>
 Части <...> деревья
 Част<и> корни
 ----- стебель дуб
 ----- сучья липа лавр
 ----- листья яблоко
 ----- цветки груша
 ----- плоды вишня
 Живот<ные>
 Фигура собака кошка корова овца лошадь свинья
 <...> кур<ица> утка гусь галка ласточка воробей
 Подраж<ание> бабочка жук червяк паук муха
 Жилище
 Дом
 Части дома
 Общее
 Части из <...>
 Мебели
 Классификация
 Сравнение
 Движение
 Отношение
 Счет

Эту книгу Жуковский читал вместе с женой, которая также оставила свои пометки, выделив основную мысль Рамзауера о природосообразном воспитании: «Дети 3–4 лет должны обучаться в игре, «играть, а не тренироваться, говорить, спрашивать и отвечать, а не учиться читать; рисовать, а не писать; мастерить, а не конструировать; считать, а не решать задачи» [29. С. 13–14].

И если труды либерально мыслившего Дистервега и других представителей элементарной («элементарной», в лексиконе Жуковского)

педагогике были представлены в корпусе книг поэта выборочно, то наследие ведущих прусских педагогов, выходцев из пиетистской среды Ф.Ф. Вильмсена и В. Куртмана собрано им практически в полном объеме. Вильмсен (1770–1831), выпускник университета Галле, ученик и соратник Нимейера, известнейший преподаватель основ христианства и священник, призванный Фридрихом Вильгельмом III в 1817 г. руководить комиссией по созданию новой книги христианских песнопений союза евангелических церквей Пруссии, обладал ярким литературным талантом. В 1840-е гг. и позднее были особенно популярны его лучшие духовно-назидательные сочинения для религиозного воспитания, такие как «Красота природы в поэзии немецких классиков. Цветы чтения для юношества, для оживления религиозного чувства» и «Немецкий друг детей. Книга чтения для народных школ» [30]. Помимо этих сборников в библиотеке Жуковского сохранились и пособия Вильмсена для детей и юношества по языкознанию, природоведению и технологии [31]; справочник для учеников и учителей по естественной истории [32]; методическая хрестоматия о развитии внимания и мышления [33]. Жуковский собрал и интереснейшие труды своего современника, педагога пиетистского направления и реформатора школы, с 1841 г. директора семинарии для школьных учителей в Фридберге В. Куртмана (1802–1871). В собрании поэта хранятся его трехтомный «Учебник по воспитанию и образованию» (1846) [34]; хрестоматия для чтения «Истории для детей» (1847) [35], а также удостоенное премии на литературном конкурсе сочинение «Школа и жизнь» (1847) [36].

Органично дополняют педагогическую коллекцию Жуковского книги по обучению девочек, актуальному вопросу в немецкой литературе о новом воспитании. В ответ на начавшиеся процессы женской эмансипации, идеи которой проникали и в систему детского образования (в собрании поэта подобных не имеется), в прусской педагогике естественным образом возникла необходимость доказательного изложения пропиетистской доктрины о благочестивом воспитании дочерей, что нашло отражение в избранных Жуковским трудах его современников: ученого медика Ф.В. Гейденрейха (1798–1857) «Извращенность в воспитании и образовании девушек» (1844) [37]; писательницы Т. Хомберг (1797–1877) «Размышления об образовании и преподавании женщин и о женских образовательных учреждениях» (1845) [38].

Наконец, самая богатая по количеству немецких изданий библиотека составлена Жуковским из хрестоматий для детского чтения. По-

мимо классических изданий педагогов-филантропистов К.Г. Барта [39] и Ф.Е. Рохова [40, 41], уже упомянутых популярных антологий Дистервега, Куртмана, Вильмсена, поэт обладал и новинками художественной литературы различных жанров для детей и юношества на немецком языке, к которым можно отнести авторские издания: «Детские песни» [42] 1846 г. писателя Г. Клетке; «Драматические пьесы для детей» [43] графа Ф. фон Поччи 1850 г. и др.

Таким образом, исследовательский подход, учитывающий специфику областей, располагающихся на границе взаимодействия языков, культур и гуманитарных дисциплин, адекватный масштабу творческого гения В.А. Жуковского, позволяет по-новому взглянуть на его позднее наследие. Его изучение с нелитературоцентристских позиций обнажает новый этап творческой эволюции романтика, пришедшего от франкофилии к германизму не только на пути от лирики к эпосу, от Просвещения к романтизму (и бидермайеру), но и в педагогических размышлениях. Изучив последний этап педагогической карьеры поэта на материале его проекта книжного собрания (с привлечением культурно-исторического контекста), мы можем сделать вывод о том, что, сохранив стержневое понятие своей системы воспитания, а именно убежденность в необходимости самосовершенствоваться посредством чтения, Жуковский обрел необходимое для создания целостного учения религиозное основание в диалоге с немецким миром.

Произведенный аналитический обзор круга чтения позднего Жуковского позволяет значительно дополнить наше представление о его пилотном проекте, с осуществлением которого так или иначе были связаны многие творческие искания поэта, его переводы и проза 1840–1850-х гг. Грандиозный замысел педагогического издания был известен жуковсковедам по отдельным текстам и планам антологий для детского чтения. Точный состав педагогического издания, зафиксированный в книге Гробе о христианском воспитании, открывает принципиальное значение теоретической и практической частей, которые должны были предшествовать «старым и новым» художественным текстам для детского образования. И немецкоязычная педагогика должна была занять центральное место в этих частях, должна была иметь моделирующую роль для всего издания. Об этом свидетельствуют, в частности, отмеченные нами параллели между размышлениями прусских авторов и поздней прозой русского романтика. Поддается реконструкции в целом и концепция обновленного педагогического учения Жуковского 1840–1850-х гг. Очевидно, она склады-

вается из генетически восходящей к немецкому пиетизму конститутивной идеи христианского воспитания и руссоистско-песталоццианского опыта детоцентризма.

Наконец, разыскания на тему поздней педагогики Жуковского определенно наводят на интереснейшую тему, связанную с необходимостью обозначить действительное место русского поэта, романтика, педагога в контексте отечественной художественной литературы для детей и о детях, в развитии «детских» сюжетов, в понимании детства как социального института и гуманитарного феномена, позволяющего судить об изменениях в национальной культуре. XIX в. был во многом решающим периодом для понимания детства как особой субкультуры, временем нового «открытия» детства и его концептуализации и в русской культуре и классической романной литературе (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), и основополагающую роль Жуковского-педагога и автора детских образов нельзя недооценивать. Ведь не только художественные тексты, но и деятельная педагогическая активность первого русского романтика определенно служила образцом для талантливейших писателей и педагогов позднеимперского периода русской истории.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.
2. *Никонова Н.Е.* Жуковский и немецкий мир: дис. ... д-ра филол. наук: в 2 т. Томск, 2013. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 155 с.
3. *Канунова Ф.З.* Жуковский – читатель педагогического романа-трактата Руссо «Эмиль, или О воспитании» // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 3. Томск, 1988. С. 74–137.
4. *Киселева Л.Н.* Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту. 3: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 198–228.
5. *Дневники В.А. Жуковского* / примеч. И.А. Бычкова. СПб., 1903.
6. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999–2013. Т. 1–8, 12–14.
7. *Айзикова И.А.* Образ Ж.Ж. Руссо на страницах «Вестника Европы» в 1807–1811 гг. (период редакторства В.А. Жуковского) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 4 (24). С. 53–70
8. *Жуковский В.А.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.
9. *Янушкевич А.С.* Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 466–521.

10. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / вступ. ст. И.М. Семенко. М.; Л., 1959–1960.
11. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека наследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 77–136.
12. Турун О.Л. Неогуманизм и педагогическая практика Германии и России в XIX веке // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2007. № 48. С. 157–162.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений В.А. Жуковского: в 12 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. А.С. Архангельского. СПб., 1902.
14. Виноцкий И.Ю. Семейные связи: Заметки о реальной основе биографического мифа В.А. Жуковского // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 9–20.
15. Olivier W.F. Bilder-Bibel in 50 bildlichen Darstellungen von Olivier. Nebst einem begleitenden Text vom G.H. Schubert: Neue Ausgabe. Hamburg u. Gotha, Fr. u. A. Perthes, 1848.
16. Hey W. Fünfzig Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter. Nebst einem ernsthaften Anhang, Hamburg, Fr. Perthes, 1833.
17. Hey W. Erzählungen aus dem Leben Jesu für die Jugend. Dichterisch bearbeitet von W. Hey. (Zu Olivier's Volksbilderbibel). Hamburg, Fr. Perthes, 1838.
18. Библиотека В. А. Жуковского: (описание). Томск, 1981.
19. Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des Volksschulwesens. Herausgegeben von Dr. F.A.W. Diesterweg. Januar-Juni 1841. Der neuen Folge dreiundzwanziger Band. Essen. 1841.
20. Theologische Studien und Kritiken: eine Zeitschrift für das gesamte Gebiet der Theologie, Bd. 16. Heft 1. 1843.
21. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
22. Жилыкова Э.М. А.П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки А.П. Елагиной с В.А. Жуковским) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 267–275.
23. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813—1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жилыковой. М., 2009.
24. Der Mensch und seine Erziehung. Dritte Betrachtung. Das Kind vom vierten bis zum siebenten Jahre, oder der Mensch auf seiner zweiten Lebensstufe. Dargestellt von Heinrich Langenthal. Jena. Fr. Luden, 1845.
25. Lehren der Erfahrung. Für christliche Land- und Armen-Schullehrer. Von Chr.H. Zeller. Bde 1–3. Basel, 1827–1828.
26. Kurze Seelenlehre, gegründet auf Schrift und Erfahrung, für Eltern, Erzieher und Lehrer. Von Chr.H. Zeller. Calwin der Verlagsbuchhandlung. Stuttgart, J. F. Steinkopf, 1846.
27. Werth und Weise der christlichen Kinderzucht. Ein Wort christlicher Liebe. allen Eltern, Lehrern und Erziehern zu ernstlicher Erwägung und Beherzigung dargereicht von H.W. Grobe. 4. Auflage. Cassel, J. Luckhardt, 1851.
28. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск, 2012.
29. Die Liebe in Erziehung und Unterricht. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundert-

dertjährigen Geburtstage. Von Johannes Ramsauer. Elberfeld & Meurs, Verlag der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846.

30. *Der deutsche Kinderfreund*. Ein Lesebuch für Volksschulen von F. P. Wilmsen. 186. Auflage. Berlin, G. Reimer. 1847.

31. *Übungsblätter* oder 200 Aufgaben aus der Sprachlehre, Erdbeschreibung, Naturgeschichte, Geschichte und Technologie, ein bewährtes Hilfsmittel des Unterrichts in zahlreiche Schulklassen. Von F. P. Wilmsen. Berlin, Dieterici, 1818.

32. *Handbuch* der Naturgeschichte für die Jugend und Ihre Lehrer. Von F. P. Wilmsen. Bde 1–3. Berlin, C. F. Amelang, 1821.

33. *Vorübungen* der Aufmerksamkeit und des Nachdenkens. Ein methodisches Lesebuch für Mittelschulen, Bürgerschulen und für die untern Classen der Gymnasien. Von F.P. Wilmsen. Hannover, Hahn, 1823.

34. *Lehrbuch* der Erziehung und des Unterrichts. Ein Handbuch für Eltern, Lehrer und Geistliche. Von Dr. W. J. G. Curtman. Direktor des Schullehrer-Seminars zu Friedberg. Theile 1–3. 5. Auflage. Heidelberg, C. F. Wint, 1846.

35. *Geschichten* für Kinder, vorzuerzählen von Müttern, Geschwistern und Lehrern. Von Wilhelm Curtman. 4. Auflage. Offenbach, E. Heinemann, 1847.

36. *Die Schule* und das Leben. Eine gekrönte Preisschrift von W. J. G. Curtman. 2. Auflage. Friedberg in der Wetterau, C. Bindernagel, 1847.

37. *Die Verkehrtheit* in der Erziehung und Bildung der weiblichen Jugend. Von Friedrich Wilhelm Heidenreich. Anshach. 1844.

38. *Gedanken* über Erziehung und Unterricht. besonders des weiblichen Geschlechts und über weibliche Erziehungsanstalten. Mitgeteilt von Tinette Homberg. Berlin, Th. Chr. F. Enslin, 1845.

39. *Kleinere* Erzählungen für die christliche Jugend. Von 'Dr. Christian Gottlob Barth. Bd. 2. Stuttgart. J. F. Steinkopf, 1844.

40. *Catechismus* der gesunden Vernunft. oder Versuch in fasslichen Erklärungen wichtiger Wörter, nach ihren gemeinnützigen Bedeutungen, und mit eynigen Beyspielen begleitet, zur Beförderung richtiger und bessernder Erkenntnissen. Von Friedrich Eberhard v. Rochow. Berlin u. Stettin, Fr. Nicolai. 1806.

41. *Der Kinderfreund*. Ein Lesebuch zum in Landschulen. Von Friedrich Eberhard von Rochow. Brandenburg, J. J. Wiesike, 1818. In 2 Theilen. 1. Th. 62 S. 2 Th.

42. *Kinderlieder*. Von H. Kletke. Ein Festgeschenk für frohe und fromme Kinder. Berlin, C. H. Schultze, 1846.

43. *Dramatische Spiele* für Kinder. Von Franz Pocci. München, Mey u. Windmayer, 1850.

ZHUKOVSKY AS A COEVAL OF THE PEDAGOGIC EPOCH IN GERMANY: GERMAN LITERATURE ABOUT UPBRINGING AND ARTISTIC PURSUITS OF THE POET IN 1840S–1850S.

Imagology and Comparative Studies, 2014, 1, pp. 69–124. DOI 10.17223/24099554/1/7

Nikonova Natalia Ye. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: German literature about upbringing in 17th – 19th centuries, reformatory pedagogic, pietism, Christian upbringing, personal library, V.A. Zhukovsky.

This article covers the first attempt to reconstruct the pedagogic library of the 1840s – 1850s collected by V.A. Zhukovsky in Germany for upbringing of his own children and the

heirs of the Royal Family. On the basis of the notes, letters and plans left by the poet on the pages of the scripts the character of understanding the works about education is studied. The next evolutionary step of the creative thinking of late Zhukovsky correlates with the authentic German environment and the context of the last decade of his creative life. The resonant dialog of Zhukovsky with the pietistic direction of the pedagogic of Prussia is characterized in the article, the direct harmonies of the parts of works of German authors the poet chose and the motives of his late prose are discovered.

Most of the editions about upbringing collected by the poet were published in Germany in the 1840s – 1850s in the German language (more than fifty books and brochures). The reading of these pedagogic works shows the high interest of Zhukovsky in the material, his own strategy of understanding and consistency of the views of the experienced tutor, his priorities.

The pre-revolutionary historical-political situation and the reforms in the system of education carried out in the epoch of Friedrich Wilhelm IV defined the principles of the pedagogic edition selection. The foundation for the new governmental policy of Prussia in education and upbringing was the pedagogic doctrine of pietists. Over a half of the fifty books collected by Zhukovsky in the 1840s more or less coincided with the theoretical and practical aspects of the Christian upbringing. H. Langental's *A Man and his Upbringing* (*Der Mensch und seine Erziehung*, Jena, 1845), C.H. Zeller's *The Lessons of Experience. For the Teachers of Christian Schools* (*Lehren der Erfahrung für christliche Land- und Armen-Schullehrer*, Stuttgart, 1846) and H.W. Grobe's *The Value and the Methods of Christian Upbringing of Children* (*Werth und Weise der christlichen Kinderzucht. Ein Wort christlicher Liebe, allen Eltern, Lehrern und Erziehern*, Kassel, 1851) attracted special attention of the poet.

Almost every statement from the books that Zhukovsky highlighted finds correspondence in his late prosaic fragments. In the Russian poet's articles of the second part of the 1840s and of early 1850s, namely, in the essays 'The Liberty of Education', 'The Belief in Knowledge', 'What is Upbringing?' as well as in his letters, there are statements which almost literally renew the basic ideas of the moral and spiritual teaching of pietists about man and their upbringing.

The prosaic series of articles, 'The Thoughts and Notes', by Zhukovsky in the 1840s and 1850s develops the keynote theme about the necessary union of the governmental power, public policy and the way of life of a single citizen in the light of Christian religion. The thesis statements of the Romanticist take place in the fragments of 'The Decision', 'Absolutism', 'Man in Society', in the biographic sketch 'Joseph von Radowitz' and in other works included in the planned but unpublished volume of his late prose. These reflections characterize the new step of universalism of the creative thinking of Zhukovsky; however, there are direct coincidences with his historiosophic concepts in the ideas of contemporary German journalism of the pietists-pedagogues.

On the back cover of the book by Grobe there is a plan-signature by Zhukovsky which shows his great conception of a pedagogic publication designed for Russia. According to the plan, Zhukovsky collected the works of the most outstanding pietists-pedagogues of the German world in his library. All of them can be divided into several thematic groups. The first includes books of the followers and the disciples of Pestalozzi, prominent German and Switzerland pedagogues of the 19th century, who organized their own pedagogic provinces following the pattern of their teacher. The second group includes works about girls' upbringing and educating which was a topical issue for the German pedagogic science in the 18th century and an independent branch in the scientific and practical pedagogy in the 1840s. The third and the most numerous group was represented by collected anthologies for children

reading, "old and new" as it was marked in Zhukovsky's plan, however, not published in the 1840s.

References

1. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek ☐ tekst ☐ semiosfera ☐ istoriya* [Inside minded worlds. Man – Text – Semiosphera – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p.
2. Nikonova N.E. *Zhukovskiy i nemetskiy mir*: dis. d-ra filol. nauk: v 2 t. [Zhukovsky and the German world. Philology Doc. Diss.]. Tomsk, 2013.
3. Kanunova F.Z. *Zhukovskiy – chitatel' pedagogicheskogo romana-traktata Russo "Emil', ili O vospitanii"* [Zhukovsky as the reader of the pedagogical novel-treatise "Émile" by Rousseau]. In: Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске* [Zhukovsky's library in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1988, pt. 3, pp. 74-137.
4. Kiseleva L.N. [Zhukovsky as a Russian language teacher (beginning of the "royal pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Pushkin readings in Tartu. 3: Proc. of the International Scientific Conference]. Tartu, 2004, pp. 198-228. (In Russian).
5. Zhukovskiy V.A. *Dnevniki* [Diaries]. St. Petersburg, 1903.
6. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [The Complete Works and Letters. In 20 vols.]. Moscow, 1999–2013.
7. Aizikova I.A. J.J. Rousseau's image on the pages of "Vestnik Yevropy" in 1807-1811 (the period of V.A. Zhukovsky's editorship). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 4 (24), pp. 53-70. (In Russian).
8. Zhukovskiy V.A. *Sochineniya*: v 6 t. [Works. In 6 vols.]. St. Petersburg, 1878.
9. Yanushkevich A.S. *Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii* [V.A. Zhukovsky's scope of reading in 1820-30-ies as a reflection of his social position]. In: Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске* [Zhukovsky's library in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978, pt. 1, pp. 466-521.
10. Zhukovskiy V.A. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works. In 4 vols.]. Moscow; Leningrad, 1959-1960.
11. Rebekini D. V.A. *Zhukovskiy i biblioteka naslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837)* [V.A. Zhukovsky and the library of Heir Aleksandr Nikolayevich (1828-1837)]. In: Yanushkevich A.S., Aizikova I.A. (eds.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013, iss. 2, pp. 77-136.
12. Turun O.L. *Neogumanizm i pedagogicheskaya praktika Germanii i Rossii v XIX veke* [Neo-humanism and pedagogical practice in Germany and Russia in the 19th century]. *Vestnik Stavropolskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2007, no. 48, pp. 157-162.
13. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy V.A. Zhukovskogo: v 12 t.* [The complete works. In 12 vols.]. St. Petersburg, 1902.
14. Vinitskiy I.Yu. *Semeynye svyazi: Zametki o real'noy osnove biograficheskogo mifa V.A. Zhukovskogo* [The family ties: Notes on a real basis of the biographical myth of V.A. Zhukovsky]. In: Yanushkevich A.S., Aizikova I.A. (eds.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2013, iss. 2, pp. 9-20.

15. Olivier W.F. *Bilder-Bibel in 50 bildlichen Darstellungen von Olivier. Nebst einem begleitenden Text vom G.H. Schubert: Neue Ausgabe.* Hamburg u. Gotha, Fr. u. A. Perthes, 1848.
16. Hey W. *Fünzig Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter. Nebst einem ernsthaften Anhang.* Hamburg; Fr. Perthes, 1833. 100 p.
17. Hey W. *Erzählungen aus dem Leben Jesu für die Jugend. Dichterisch bearbeitet von W. Hey. (Zu Olivier's Volksbilderbibel).* Hamburg; Fr. Perthes, 1838. 224 p.
18. Lobanov V.V. (ed.) *Biblioteka V. A. Zhukovskogo: (opisanie)* [V.A. Zhukovsky's library (description)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1981. 414 p.
19. Diesterweg F.A.W (ed.) *Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des Volksschulwesens. Januar-Juni 1841. Der neuen Folge dreiundzwanziger Band.* Essen, 1841.
20. *Theologische Studien und Kritiken: eine Zeitschrift für das gesamte Gebiet der Theologie*, Bd. 16. Heft 1. 1843.
21. Zhukovsky V.A. *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: University typography, 1895. 322 p.
22. Zhilyakova E.M. A.P. Elagina v istorii rossiyskogo obrazovaniya (po materialam perezpiski A.P. Elaginoy s V.A. Zhukovskim) [A.P. Elagina in the history of Russian education (based on the correspondence between A.P. Elagina and V.A. Zhukovsky)]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Tomsk State University Journal*, 2006, no. 291, pp. 267-275.
23. *Perezписка B.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813—1852* [The correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina]. Moscow, 2009.
24. *Der Mensch und seine Erziehung. Dritte Betrachtung. Das Kind vom vierten bis zum siebenten Jahre, oder der Mensch auf seiner zweiten Lebensstufe. Dargestellt von Heinrich Langenthal.* Jena. Fr. Luden, 1845.
25. Zeller Chr.H. *Lehren der Erfahrung. Für christliche Land- und Armen-Schullehrer.* Bde 1-3. Basel, 1827-1828.
26. Zeller Chr.H. *Kurze Seelenlehre, gegründet auf Schrift und Erfahrung, für Eltern, Erzieher und Lehrer.* Calvin der Verlagsbuchhandlung. Stuttgart, J. F. Steinkopf, 1846.
27. Grobe H.W. *Werth und Weise der christlichen Kinderzucht. Ein Wort christlicher Liebe. allen Eltern, Lehrern und Erziehern zu ernstlicher Erwägung und Beherzigung.* Cassel: J. Luckhardt, 1851.
28. Nikonova N.E. V.A. Zhukovskiy i ego nemetskie druž'ya: novye fakty iz istorii rossiysko-germanskogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya pervoy poloviny XIX v. [V.A. Zhukovsky and his German friends. New facts from the history of Russian-German intercultural interaction in the first half of the 19th century]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2012. 336 p.
29. Ramsauer J. *Die Liebe in Erziehung und Unterricht. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundertjährigen Geburtstage.* Elberfeld & Meurs, Verlag der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846.
30. Wilmsen F. P. *Der deutsche Kinderfreund.* Auflage 186. Berlin: G. Reimer, 1847.
31. Wilmsen F.P. *Übungsblätter oder 200 Aufgaben aus der Sprachlehre, Erdbeschreibung, Naturgeschichte, Geschichte und Technologie, ein bewahrtes Hilfsmittel des Unterrichts in zahlreiche Schulklassen.* Berlin: Dieterici, 1818.
32. Wilmsen F.P. *Handbuch der Naturgeschichte für die Jugend und Ihre Lehrer.* Bde 1-3. Berlin: C.F. Amelang, 1821.

33. Wilmsen F.P. *Vorübungen der Aufmerksamkeit und des Nachdenkens. Ein methodisches Lesebuch für Mittelschulen, Bürgerschulen und für die untern Classen der Gymnasien.* Hannover: Hahn, 1823.
34. Curtman W.J.G. *Lehrbuch der Erziehung und des Unterrichts. Ein Handbuch für Eltern, Lehrer und Geistliche.* Theile 1-3. 5. Heidelberg: C. F. Wint, 1846.
35. Curtman W. *Geschichten für Kinder, vorzuerzählen von Müttern, Geschwistern und Lehrern.* Offenbach, E. Heinemann, 1847.
36. Curtman W.J.G. *Die Schule und das Leben.* Friedberg in der Wetterau, C. Bindernagel, 1847.
37. Heidenreich F.W. *Die Verkehrtheit in der Erziehung und Bildung der weiblichen Jugend.* Anshach, 1844.
38. Homberg T. *Gedanken über Erziehung und Unterricht. besonders des weiblichen Geschlechts und über weibliche Erziehungsanstalten.* Berlin, Th. Chr. F. Enslin, 1845.
39. Barth C.G. *Kleinere Erzählungen für die christliche Jugend.* Stuttgart: J. F. Steinkopf, Book 2, 1844.
40. Eberhard F. *Catechismus der gesunden Vernunft. oder Versuch in fasslichen Erklärungen wichtiger Wörter, nach ihren gemeinnützigen Bedeutungen, und mit eynigen Beyspielen begleitet, zur Beförderung richtiger und bessernder Erkenntnissen.* Berlin u. Stettin: Fr. Nicolai, 1806.
41. Eberhard F. *Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum in Landschulen.* Brandenburg: J.J. Wiesike, 1818, pt 1, p. 2.
42. Kletke H. *Kinderlieder. Ein Festgeschenk für frohe und fromme Kinder.* Berlin: C.H. Schultze, 1846.
43. Pocci F. *Dramatische Spiele für Kinder.* München: Mey u. Windmayer, 1850.